

Неужели Сун Сюньнань действительно решился навсегда порвать с семьей?

Но почему?

Сун Хэнсюань раз за разом задавал себе этот вопрос, но так и не находил ответа. Он до последнего был уверен, что младший брат никогда не пойдет на такой шаг — ведь тот любил их всех больше жизни, ловил каждое слово и отчаянно искал одобрения. Однако сейчас, глядя на уверенную, прямую спину Сюньнаня, без тени сомнения идущего к стойке регистрации, Хэнсюань почувствовал, как его былая уверенность рушится.

Что творится в голове у этого мальчишки? Хэнсюань вдруг смутно осознал, что совершенно перестал его понимать.

— Здравствуйте, я записывался заранее, — спокойно обратился Сюньнань к сотруднице паспортного стола.

Сун Цзюйвэй не выдержал этой будничной интонации:

— Сюньнань! Тебе настолько не терпится избавиться от нас?

— Я думал, мы оба жаждем этого всей душой, — бросил Сюньнань, даже не повернув головы.

Сотрудница за стойкой, давно привыкшая к семейным драмам на рабочем месте, даже не подняла глаз. Быстро перебирая бланки, она монотонно произнесла:

— Пожалуйста, распишитесь здесь. Как только подтвердите заявление, мы сразу же оформим выписку.

Хэнсюань сделал шаг вперед, теряя свое обычное ледяное самообладание:

— Что ты устраиваешь, Сяо Нань? Решил окончательно вычеркнуть нас из жизни? Прекрати этот ребяческий бунт. Извинись перед отцом прямо сейчас, пока всё не зашло слишком далеко. Мы сможем уладить это дело.

Заметив, что пальцы брата, сжимающие ручку, на мгновение замерли, Хэнсюань решил, что его слова наконец возымели действие, и поспешил закрепить успех:

— Если ты действительно откажешься от имени Сун, то как собираешься жить дальше? Ты хоть понимаешь, какими слухами это обрастет? В нашем кругу тебе больше никто руки не подаст.

Даже когда Хэнсюань пытался предостеречь или помочь, его тон, привыкший к безусловному

авторитету, всё равно звучал как высокомерное поучение.

Сюньнань так и не поставил подпись сразу. Он не стал оборачиваться к старшему брату — просто поднял голову и посмотрел в окно.

Небо на улице было пронзительно-синим, чистым, без единого облачка. Оно казалось глубоким и ласковым, словно зеркальная озерная гладь.

Совсем не таким, как в день его смерти.

Сюньнань слишком хорошо помнил тот день: грязное, давящее марево, вечный полумрак и пронизывающий холод, от которого стыла кровь в жилах.

В прошлой жизни Хэнсюань не устраивал перед ним подобных благородных представлений. Сюньнань усмехнулся про себя: человеческая натура удивительно уродлива. Пока он сам пресмыкался перед ними, его топтали ногами — и поделом, сам виноват, заслужил. Но стоило ему плюнуть на этих людей и пойти своей дорогой, как благородный старший брат сам прибежал к нему с нотациями.

Какая дешевая, нелепая комедия.

Облокотившись на стойку, Сюньнань небрежно указал кончиком ручки на Хэнсюаня и скосил глаза на отца:

— Господин Сун, вам не кажется, что ваш старший сын сейчас откровенно напрашивается на грубость?

Цзюйвэй побагровел от злости:

— Сюньнань, знай меру!

Хэнсюань ошеломленно замер. Он смотрел на этого чужого, холодного юношу и не узнавал его. С каких пор Сюньнань научился так изощренно издеваться над собственной семьей?

— Граждане, соблюдайте тишину в зале, — ровным тоном прервала их сотрудница.

Цзюйвэй, всегда кичившийся своим высоким положением в обществе, после замечания какой-то мелкой служащей налился густой краской, но был вынужден проглотить обиду.

Сюньнань лишь насмешливо фыркнул и размашисто расписался на бланке. Хэнсюань дернулся было, чтобы перехватить его руку, но опоздал.

Подвинув лист к отцу, Сюньнань выразительно посмотрел на него, предлагая закончить процедуру. Тот молча взял ручку, на мгновение замявшись.

Тут подал голос Сун Си:

— Третий брат, неужели нужно доводить до крайности? Отец, мама и старший брат ведь любят тебя. Не зли их больше. Просто извинись, признай ошибку, ну пожалуйста!

Сюй Цин резко задвинула младшего сына себе за спину и смерила Сюньнаня презрительным взглядом:

— Сяо Си, ты слишком добр к нему. Тебе пора понять, что далеко не все умеют ценить хорошее отношение. Кто знает, какая гниль прячется под этой маской. Семье Сун такая важная персона ни к чему. Пусть катится на все четыре стороны.

— Мамочка, не расстраивайся из-за него, — Сун Си принялся ласково гладить Сюй Цин по спине, а затем укоризненно посмотрел на брата. — Третий брат, даже если тебе плевать на тепло и заботу, которыми тебя окружали все эти годы, имей хоть каплю уважения к родителям!

Очередное обвинение в сыновней непочтительности Сюньнаня даже не задело. Он лишь лениво приподнял веки, разглядывая своего названного брата:

— Я вернул вам всё до последней нитки. О какой неблагодарности ты лопочешь? К слову об этом: когда ты собираешься вернуть мне имущество моих настоящих родителей? Квартира в самом центре города приносит неплохой доход, не так ли? Наверняка ты уже скопил приличную сумму на аренде.

Лицо Сун Си мгновенно пошло пятнами, голос сорвался на крик:

— О чем ты вообще говоришь?!

Сюй Цин снова заслонила любимчика собой, яростно уставившись на Сюньнаня:

— Не смей клеветать на моего сына!

— Клеветать? — хмыкнул Сюньнань. — Прежде чем бросаться грудью на амбразуру, поинтересовалась бы у своего ненаглядного чада, сдавал он ту квартиру или нет.

— Сяо Си никогда бы так не поступил, ведь они только-только... — Сюй Цин осеклась на полуслове, заметив, как побледнел ее любимый сын. Она поспешно выкрутилась, но оправдание прозвучало жалко: — Сяо Си живет один, у него нет собственного дохода! Ему

приходится крутиться, чтобы сводить концы с концами.

Сюньнань лишь презрительно скривил губы. Как же убого они пытались спасти лицо.

— Довольно! Замолчите оба! — рявкнул Сун Цзюйвэй. Он быстро чиркнул ручкой по бумаге, оставляя размашистую подпись. — С этого момента ты больше не имеешь к нашей семье никакого отношения. И на наследство даже не рассчитывай, ты не получишь ни гроша!

Сюньнань скрестил руки на груди и язвительно заметил:

— Слышали бы вы себя, господин Сун. Можно подумать, у вас тут на кону королевский престол.

Цзюйвэй задохнулся от возмущения, его губы задрожали. Он уже сто раз пожалел, что вообще ввязался в этот разговор.

Бюрократическая машина сработала на удивление быстро. Уже через пару минут Сюньнань держал в руках новенькую книжку регистрации. Он небрежно покачал ей перед носом бывших родственников:

— Всё готово. Надеюсь, мы больше никогда не увидимся. Не хочется портить себе настроение встречей с вами.

Избавившись от слепой любви, Сюньнань наконец увидел истинное лицо этой семьи. И то, что он разглядел, вызывало лишь брезгливость. Их спесь, холодность и высокомерие — эта сословная гордыня, въевшаяся в кости, заставляла их смотреть на всех остальных как на дорожную пыль.

Каким же дураком он был в прошлой жизни, если добровольно отдал им свое сердце на растерзание?

Хэнсюань не отрывал взгляда от тонкого документа, а затем медленно перевел глаза на лицо брата, словно видел его впервые в жизни. Он пытался разглядеть в этих чертах прежнего Сяо Наня, но безуспешно.

Цзюйвэй демонстративно отвернулся. Он тяжело дышал, сжав кулаки так, что на побелевших костяшках вздулись вены.

Сюньнань покосился на побелевшего от злости отца и решил не доводить старика до инфаркта — оплачивать его счета за лечение совсем не хотелось. Спрятав книжку в карман, он добавил:

— Раз дел больше нет, я пойду. Да, чуть не забыл: вот ваши ключи и пропуск. А то мало ли,

заберется к вам вор, еще на меня подумаете.

Он вытащил из кармана связку ключей и небрежно швырнул ее в сторону старшего брата.

Хэнсюань чисто рефлекторно поймал связку. Он слишком хорошо знал эти ключи. Его взгляд зацепился за брелок — крошечные фигурки, которые они когда-то сделали втроем с братьями. Сюньнань носил этот брелок много лет, он давно стерся и потемнел, но тот никогда его не менял.

И вот теперь всё это валялось у него на ладони, выброшенное за ненадобностью, словно копеечный хлам.

Хэнсюань поспешно отвел глаза, словно брелок обжег ему руку, и увидел, что брат уже разворачивается к выходу.

— Неблагодарный щенок... — процедил сквозь зубы Цзюйвэй, так и не повернув головы.

— Хэнсюань, ты куда? — окликнула старшего сына Сюй Цин.

Хэнсюань на секунду замер у дверей. Он до боли сжал ключи в кулаке, чувствуя, как металлические грани врезаются в кожу, отзываясь тупой болью в недавней ссадине.

— Я сейчас, — глухо бросил он, не оборачиваясь.

— Да что там смотреть?! — окончательно вышел из себя отец. — Он нам больше никто!

Хэнсюань проигнорировал его слова и поспешил на улицу.

— Прекрасно! Никто меня ни во что не ставит! — Цзюйвэй тяжело опустился на стул, шумно хватая ртом воздух. От такой покорности собственных детей у него едва не раскалывалась голова.

К счастью, Сюньнань еще не уехал. Он стоял у машины, заглядывая в салон со стороны пассажирского сиденья.

— Сяо... Третий, стой. Нам нужно поговорить, — окликнул его Хэнсюань.

Сюньнань неспешно повернулся на голос.

Решив, что брат готов к диалогу, Хэнсюань немного расслабился, его суровое лицо смягчилось:

— Забирай ключи и возвращайся домой. Хватит ребячиться и устраивать сцены на потеху публике.

Он протянул связку Сюньнаню, но тот даже не подумал вытащить руки из карманов. На его губах играла издевательская усмешка. При попытке вложить ключи в руку брата Хэнсюань не удержал их. Связка с сухим стуком полетела на асфальт.

Маленький стеклянный шарик на брелоке со звоном раскололся, и яркая жидкость из него вытекла прямо на пыльные плиты.

— Сюньнань-гэ, ты скоро? — стекло спортивного автомобиля опустилось, и из окна высунулся Вэнь Цзиньжань. Увидев застывших друг напротив друга братьев, он замялся, явно успев расслышать часть их разговора.

Хэнсюань не ожидал увидеть в салоне постороннего. Его плечи мгновенно напряглись, а все заготовленные слова застряли в горле. С трудом совладав с собой, он глухо спросил:

— Это... не твоя машина?

Сюньнань окинул его равнодушным взглядом:

— Какая тебе разница? О чем ты там хотел поговорить? Продолжай, я слушаю.

Он сделал это намеренно. Сюньнань прекрасно знал: гордость Хэнсюаня никогда не позволит ему унижаться перед посторонними. Привыкший к всеобщему обожанию наследник семьи Сун был слишком высокомерен, чтобы умолять о прощении. Этот человек умел лишь брезгливо наблюдать свысока, как другие совершают ошибки, аккуратно шагая в сторону, чтобы не испачкать дорогие туфли.

Хэнсюань действительно замолчал, недовольно нахмурившись.

Сюньнань, глядя на его окаменевшее лицо, усмехнулся:

— Если сказать нечего, тогда и не начинай.

Он легонько похлопал Вэнь Цзиньжана по плечу:

— Поехали.

Хэнсюань стоял неподвижно, провожая взглядом брата, садящегося в салон. Темная тонировка скрыла лицо Сюньнаня, оставив лишь смутный силуэт. Тот даже не повернулся в его сторону,

лишь коротко шевельнул губами, велел Цзиньжаню трогаться.

Еще несколько дней назад они были одной семьей, а теперь их разделяла непреодолимая пропасть толщиной в автомобильную дверь.

Хэнсюань пошевелил пальцами. Острая боль в ссадине на ладони заставила его очнуться. Поддавшись внезапному порыву, он поспешно шагнул к машине и постучал в стекло. В его движениях сквозила непривычная паника.

Сюньнань скосил глаза, но сквозь темное стекло увидел лишь беззвучно шевелящиеся губы брата.

Впрочем, ему было все равно.

В следующее мгновение мощный двигатель взревел, и машина сорвалась с места, скрывшись в дорожном потоке.

Тихий голос Хэнсюаня бесследно растворился в дорожном шуме и выхлопных газах:

—... Я ведь купил тебе подарок. Тот самый компьютер, о котором ты мечтаешь.

Эти слова так и остались неслышанными.

Он так и остался стоять на обочине. А на асфальте медленно высыхала цветная жидкость из разбитого стеклянного шарика, пока полуденное солнце полностью не стерло ее следы.

<http://bllate.org/book/19928/1988521>